Рецензии

Цена сложности: политическое накопление и эрозия доказательной политики в современных демократиях

Рекомендация для цитирования:
Кочедыков И.Е. (2026) Цена сложности: политическое накопление и эрозия доказательной политики в современных демократиях. Рецензия на книгу: Adam C., Hurka S., Knill C., Steinebach Y. (2019) Policy accumulation and the democratic responsiveness trap. Cambridge University Press. *Социология власти*, 38 (3): 251-263. EDN: ZKLREX

For citation:
Kochedykov I.E. (2026) The Price of Complexity: Political Accumulation and the Erosion of Evidence-Based Politics in Contemporary Democracies. Book Review: Adam C., Hurka S., Knill C., Steinebach Y. (2019) Policy accumulation and the democratic responsiveness trap. Cambridge University Press. *Sociology of Power*, 38 (3): 251-263.

Поступила в редакцию: 09.02.2026; принята в печать: 24.03.2026
Received: 09.02.2026; Accepted: 24.03.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Рецензия на книгу: Adam C., Hurka S., Knill C., Steinebach Y. (2019) *Policy accumulation and the democratic responsiveness trap*. Cambridge University Press

Иван Е. Кочедыков

ИНИОН РАН, Москва, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0001-5324-5923

Современные демократии сталкиваются с фундаментальным парадоксом. С одной стороны, их легитимность зиждется на способности оперативно и адекватно реагировать на общественные запросы. С другой стороны, именно эта «отзывчивость» (responsiveness) порождает непрерывный поток новых законов, подзаконных актов и регуляторных инструментов. Суть этого противоречия, определяемая авторами как «ловушка демократической отзывчивости» (democratic responsiveness trap), состоит в том, что сам источник легитимности демократического правитель-

ства — его способность чутко и оперативно реагировать на запросы граждан — в долгосрочной перспективе порождает процесс, системно подрывающий способность этого же правительства эффективно управлять. Иными словами, демократии оказываются в ловушке: те самые действия, которые обеспечивают им поддержку избирателей сегодня, исподволь разрушают институциональные и административные основы их легитимности завтра. В опубликованной в 2019 году монографии немецких политологов Кристиана Адама, Штеффена Хурки, Кристофа Книлла и Ива Штайнбаха предпринята систематическая попытка концептуализации и эмпирической верификации того, как именно накопление государственных политических курсов (policy accumulation)[1] подрывает основы демократического участия, способствует росту популизма и снижает качество государственного управления.

Традиционно исследования публичной политики и государственного управления страдали от двух методологических ограничений: либо они фокусировались на отдельных, наиболее резонансных законодательных актах (case-study) (примеры подходов: Теория прерывистого равновесия (Baumgartner 2018), Подход множественных потоков (Zaharidis 2018)) либо использовали агрегированные показатели результатов (output) политики в какой-то сфере (наслоение (Thelen 2009), сложное сочетание политических курсов (Sewerin 2020), пространство политических курсов (Mettler 2016)). Авторы справедливо критикуют обе исследовательские стратегии, указывая на то, что многие эффекты реализации политических курсов часто проявляются как результат их наложения друг на друга. Здесь обнаруживаются проблемы валидности, сравнимости реализации политик по секторам, выявления причинно-следственных связей, что необходимо для эффективного управления.

В этой связи авторы предлагают свою аналитическую рамку. Важным концептуальным вкладом Адама и его коллег является введение понятия «политический элемент» (policy element). Под политическим элементом понимается дискретная, минимальная единица анализа, состоящая из двух взаимосвязанных компонентов: конкретной цели (policy target — например, «снижение выбросов диоксида серы на 20% к 2030 г.» или «обеспечение доступности дошкольного образования для 95% детей в возрасте от 3 до 6 лет») и соответствующего инструмента (policy instrument — например, «установка фильтров на всех электростанциях, работающих

1 В России сложилась традиция переводить английское слово «policy» как политика, политический курс.

на угле» или «введение обязательной сертификации дошкольных учреждений и государственных субсидий на их строительство»).

Подобный подход позволяет преодолеть ловушку номинального подсчета законов, которая долгое время была серьезным препятствием для сравнительных исследований. Один «закон-омнибус», принимаемый, например, в рамках ежегодного бюджетного процесса, может содержать десятки и даже сотни новых политических элементов, в то время как другой, узконаправленный и тщательно проработанный законодательный акт, может содержать лишь один такой элемент. Простое сравнение количества принятых законов в разных странах или в разные периоды времени без учета их содержательной «плотности» может приводить к серьезным искажениям и неверным выводам.

Последовательное добавление новых элементов к существующим политическим портфолио[1] без компенсирующего сокращения уже действующих политических элементов авторы называют накоплением политических курсов (policy accumulation). Немецкие исследователи подчеркивают несколько важных характеристик этого процесса: 1) непрерывность: это не разовая акция или результат какого-то конкретного кризиса, а постоянный, долгосрочный тренд, присущий самой природе демократического правления, ориентированного на удовлетворение общественных запросов; 2) добавление без вычитания (addition without subtraction): это критически важный элемент определения. В отличие от идеальной модели рационального цикла политики (где устаревшие или неэффективные меры отменяются), в реальности новые цели и инструменты просто наслаиваются поверх старых. Отмена существующих правил политически затратна, поэтому политикам проще добавить что-то новое, чем убрать старое. Следствием накопления является формирование все более громоздкого, внутренне противоречивого и труднообозримого политического портфолио (policy portfolio), которое и порождает описанные в книге угрозы для управляемости.

Для демонстрации своего тезиса авторы монографии провели масштабное эмпирическое исследование. Его база включает 21 страну ОЭСР за период с 1976 по 2020 год. Охват позволяет авторам не только зафиксировать долгосрочные тренды, но и провести кросснациональные сравнения, выявляя вариацию в темпах накопления

1 Политическое портфолио (policy portfolio) — совокупность всех действующих в определенной сфере политических элементов. С течением времени структура этого портфеля, как правило, становится все более хаотичной. Новые инструменты добавляются, не заменяя и не отменяя старые, что приводит к наложению нескоординированных, а порой и взаимоисключающих требований (Adam C. et al. 2019, p. 18).

политик между странами с разными институциональными характеристиками. Ключевая методологическая инновация, подробно описанная во второй главе, заключается в процедуре кодирования «политических элементов». Для каждой из 13 политических подобластей, сгруппированных в три большие сферы (экологическая, социальная и моральная политика[1]), авторы разработали детальные кодовые книги, которые позволяют идентифицировать в текстах законов и подзаконных актов конкретные пары «цель — инструмент».

Центральный эмпирический вывод, к которому приходят авторы в результате анализа собранного массива данных, состоит в том, что политическое накопление представляет собой универсальный, устойчивый и практически необратимый тренд. В каждой из 21 стран и во всех трех политических сферах наблюдается неуклонный рост числа политических элементов на протяжении всего рассматриваемого периода. Среднегодовой темп роста варьируется от 2 до 6% в зависимости от сектора и страны, что, с учетом эффекта сложного процента, приводит к удвоению или даже утроению объема регуляторного поля за четыре десятилетия.

Особенно примечательно, что этот тренд оказывается поразительно устойчивым к смене идеологического состава правительств. Немецкие политологи демонстрируют, что приход к власти правых партий, традиционно ассоциирующихся с риторикой дерегулирования, не приводит к статистически значимому сокращению числа политических элементов. Вместо демонтажа происходит либо за-

1 Под моральной политикой авторы, следуя устоявшейся в сравнительной политологии традиции (восходящей к работам Кристофера Муни, Рэймонда Таталовича и др.), понимают сферу государственного регулирования, в которой конфликты и политические дебаты разворачиваются преимущественно вокруг фундаментальных ценностей, этических принципов и мировоззренческих установок, а не вокруг распределения материальных ресурсов или экономических интересов. Они операционализируют моральную политику через анализ следующих конкретных областей регулирования: регулирование абортов — от полного запрета до либерализации доступа, включая промежуточные режимы (сроки, медицинские показания, консультационные требования). Права сексуальных меньшинств — легализация однополых союзов, браков, усыновления детей однополыми парами, антидискриминационное законодательство. Эвтаназия и помощь в уходе из жизни — от криминализации до легализации активной или пассивной эвтаназии при определенных условиях. Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) — регулирование экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), суррогатного материнства, донорства гамет. Употребление психоактивных веществ — от полного запрета до декриминализации или легализации (например, марихуаны), а также регулирование азартных игр. Вопросы биоэтики — клонирование, генетическое редактирование, исследования на эмбриональных стволовых клетках.

медление темпов роста, либо замена одних инструментов другими (policy layering), что подтверждает гипотезу об асимметрии политических издержек: отмена существующих правил политически более затратна, чем добавление новых.

Этот феномен перекликается с классическими работами Пола Пирсона о «политике демонтажа государства благосостояния» (Pierson 1994) и концепцией «эффекта храповика» (ratchet effect), согласно которой государственное вмешательство, однажды расширившись в ответ на кризис или общественный запрос, редко возвращается к прежнему уровню. Однако Адам и соавторы дают этому феномену новое, более детальное и эмпирически обоснованное подтверждение, показывая, что он характерен не только для социальной политики, но и для экологического регулирования, и даже для сферы моральной политики, где, казалось бы, ценностные сдвиги могли бы приводить к более радикальным изменениям.

Отсутствие «обратного хода» объясняется авторами как институциональными причинами (блокирующее вето со стороны заинтересованных групп и бюрократии, которые извлекают выгоду из существующего регулирования), так и избирательной логикой: отмена уже существующих, даже неэффективных и обременительных правил, влечет за собой более высокие политические издержки, чем уклонение от принятия новых. Любая попытка отменить конкретное регулирование немедленно мобилизует тех, кто от него выигрывает или привык к нему, в то время как выгоды от отмены рассеяны среди широкого круга граждан и бизнеса, что создает классическую проблему коллективного действия.

В следующих главах авторы переходят к анализу практических политических и управленческих последствий накопления политических курсов. Здесь основной фокус они делают на Германии. Они выходят за рамки простой констатации роста регуляторной массы и обращаются к анализу когнитивных, административных и эпистемологических эффектов этого процесса, которые в совокупности подрывают саму способность демократического государства эффективно функционировать.

В четвертой главе немецкие политологи убедительно демонстрируют связь между сложностью политического портфеля и качеством публичной сферы. Поскольку общий массив действующих норм становится неподъемным для восприятия не только рядового избирателя, но и профессионального политика, журналиста или даже эксперта в конкретной области, содержательное обсуждение деталей регулирования (policy) вытесняется символической борьбой, эмоциональными апелляциями и популистской риторикой (politics). Как отмечают авторы, «накопление политических курсов делает их содержание все более сложным, что вытесняет суть поли-

тики из публичных дискуссий и приводит ко все более нездоровому дискурсивному приоритету политических (в смысле борьбе с оппонентами) процессов над содержанием» (Christen 2019, p. 92).

Избирательная кампания в этих условиях сводится к манипуляции отдельными яркими и эмоционально заряженными «политическими элементами» (например, запрет пластиковых трубочек, символическое повышение или понижение налоговой ставки на определенную категорию граждан, или конкретный размер пособия), в то время как общее состояние и внутренние противоречия всей системы регулирования в соответствующей сфере остаются вне фокуса общественного внимания. Этот тезис перекликается с работами Юргена Хабермаса о структурной трансформации публичной сферы и с более поздними исследованиями «постправды» и эпистемического кризиса демократии (Dahlgren 2018).

Следствием этого процесса становится снижение демократической подотчетности правительства. Избиратели не могут адекватно оценить эффективность управления, поскольку сам объект оценки — «политическое портфолио» в соответствующей сфере — стал настолько сложным и необозримым, что даже профессиональные аналитики испытывают трудности с его целостным восприятием. В результате избиратели вынуждены полагаться на упрощенные эвристики, партийные ярлыки и эмоциональные сигналы, что делает их уязвимыми для манипуляции и популистских апелляций.

В этом смысле политик-популист оказывается не столько причиной кризиса демократии, сколько его бенефициаром и симптомом; он предлагает избирателю когнитивно легкое решение — просто «разрубить гордиев узел» накопившихся за десятилетия регуляций, отменить «все эти безумные законы» и вернуть власть «простому человеку». Трагедия заключается в том, что подобная стратегия, даже будучи реализованной в форме радикальной дерегуляции, не решает проблему, а лишь временно маскирует ее, поскольку после неизбежного ухода популистского лидера или спада его популярности маятник вновь качнется в сторону накопления, но уже в условиях еще более подорванного административного потенциала и еще более глубокого общественного недоверия к институтам. Таким образом, концепция «ловушки отзывчивости» позволяет взглянуть на подъем популизма не только через призму культурных войн или экономического недовольства, но и через сугубо управленческую оптику — как на закономерную реакцию на системную неспособность демократического государства справиться с грузом собственных, ранее принятых решений.

В следующей главе Адам и соавторы переходят к анализу кризиса имплементации и административных перегрузок. Они вводят понятие «разрыва в имплементации» (implementation gap), который растет пропорционально плотности и сложности политического

портфолио. Даже при неизменном уровне финансирования государственных органов (что само по себе является редким и маловероятным сценарием в условиях фискальных ограничений) способность бюрократического аппарата осмысленно применять и контролировать исполнение постоянно растущего числа норм неизбежно падает.

Авторы выделяют три каскадных эффекта, которые взаимно усиливают друг друга и создают порочный круг административной дисфункциональности. Первый эффект — селективное правоприменение (selective enforcement), когда администраторы, сталкиваясь с невозможностью исполнить все предписания одновременно, вынужденно расставляют приоритеты, концентрируясь на наиболее заметных, легко проверяемых или политически чувствительных требованиях и игнорируя «второстепенные» правила.

Второй эффект — креативная адаптация (creative compliance) со стороны адресатов регулирования, которые, понимая, что государство не в состоянии проконтролировать исполнение всех норм, ищут и находят лазейки в сложной и противоречивой системе правил, формально соблюдая букву закона, но нарушая его дух.

Третий, наиболее тревожный эффект — снижение легитимности государства, когда граждане и бизнес систематически сталкиваются с тем, что законы существуют лишь на бумаге, а их реальное применение является произвольным, непредсказуемым и зависящим от усмотрения конкретного чиновника.

Наиболее теоретически провокационный и, возможно, наиболее тревожный в долгосрочной перспективе вывод монографии касается судьбы рационального принятия решений и возможности «политики, основанной на доказательствах» (evidence-based policy). В мире, где в одной сфере одновременно действуют десятки и сотни пересекающихся, а порой и противоречащих друг другу целей и инструментов, атрибуция конкретного социального, экономического или экологического результата к конкретной политической мере становится статистически и методологически невозможной, даже при использовании самых современных методов анализа данных, включая машинное обучение и квазиэкспериментальные дизайны.

Как оценить эффект от внедрения нового экологического стандарта, если одновременно действуют десятки других регулирующих мер, включая налоговые льготы на «зеленые» технологии, субсидии на научные исследования и разработки, международные соглашения о сокращении выбросов, добровольные отраслевые инициативы и макроэкономические шоки, такие как колебания цен на энергоносители или глобальные рецессии? Авторы утверждают, что накопление политических курсов фактически создает фундаментальный эпистемологический тупик для доказательной политики. Парадоксальным образом, чем больше государство делает для сбора

данных и мониторинга (а современные государства инвестируют значительные ресурсы в развитие статистических служб, систем мониторинга и оценки эффективности), тем меньше у него реальных возможностей понять, какие именно меры работают, какие являются неэффективными, а какие приносят прямой вред.

Это, в свою очередь, сокращает возможности для политического обучения (policy learning) и исправления ошибок, превращая процесс государственного управления в движение на ощупь в потемках, где решения принимаются на основе интуиции, политической целесообразности, давления групп интересов или простой инерции, а не на основе строгого анализа причинно-следственных связей. Данный тезис представляет собой мощный контраргумент утопическим проектам «алгоритмизированного государства», или «государства как платформы», построенного на больших данных и искусственном интеллекте, и указывает на фундаментальные, возможно, непреодолимые ограничения технократического подхода в условиях экстремальной регуляторной сложности.

Заключительная глава посвящена анализу возможных путей преодоления «ловушки отзывчивости». Авторы не призывают к полному прекращению накопления политик (что, как они убедительно показали ранее, едва ли возможно в условиях демократического правления), но ставят вопрос о том, как сделать этот процесс более устойчивым, то есть менее разрушительным для административного потенциала, качества публичной дискуссии и способности государства к рациональному принятию решений.

Немецкие исследователи решительно дистанцируются от двух крайних и, по их мнению, одинаково несостоятельных позиций. Первая — это радикальный дерегуляторный популизм, который предлагает решить проблему накопления простым «сжиганием» нормативной базы, отменой максимального числа правил и возвращением к некоему мифическому состоянию минимального государства. Авторы указывают, что такой подход не только политически нереалистичен (отмена правил мобилизует мощные группы интересов, извлекающие выгоду из существующего регулирования), но и опасен по существу: многие накопленные политические элементы выполняют важные социальные функции, защищают уязвимые группы, предотвращают экологические риски и обеспечивают базовые стандарты качества жизни. Вторая отвергаемая позиция — это технократический фатализм, молчаливо принимающий накопление как неизбежную данность и не пытающийся искать институциональные решения проблемы.

Собственная позиция авторов заключается в том, что выход из ловушки отзывчивости требует системных институциональных реформ, направленных не на прекращение накопления как такового,

а на повышение способности политической системы справляться с его последствиями. Они формулируют три основных направления таких реформ, каждое из которых подробно раскрывается в соответствующем разделе главы.

Первое направление — это улучшение вертикальной координации (vertical policy-process integration). Авторы указывают на фундаментальный разрыв, характерный для большинства современных демократий: те, кто разрабатывает и принимает политические решения (законодатели, министерские чиновники, политические советники), структурно отделены от тех, кто должен эти решения исполнять (региональные и местные администрации, инспекторы, социальные работники, сотрудники контрольно-надзорных органов). Этот разрыв порождает систематическую проблему: разработчики политического курса не получают своевременной и адекватной обратной связи о практической реализуемости принимаемых ими норм, о возникающих коллизиях с уже существующими правилами, о непредвиденных административных издержках. В результате политическое портфолио пополняется элементами, которые гладко выглядят на бумаге, но оказываются неисполнимыми или создают чрезмерную нагрузку на местах.

В качестве решения авторы предлагают институционализацию механизмов вертикальной интеграции. В частности, они выступают за обязательное тестирование новых регулирующих норм на предмет практической реализуемости до их принятия (с участием представителей тех уровней власти, которым предстоит эти нормы исполнять), создание постоянных каналов коммуникации между уровнями власти для выявления и устранения возникающих проблем, а также регулярный аудит «политических портфолио» на предмет выявления устаревших, дублирующих или внутренне противоречивых требований.

Второе направление — инвестиции в государственный сектор и повышение административного потенциала (administrative capacity). Авторы признают, что определенный уровень политического накопления неизбежен и, более того, часто отражает реальный прогресс общества в решении сложных коллективных проблем. Однако для того, чтобы этот рост не приводил к коллапсу системы управления, необходимо, чтобы административные возможности государства росли сопоставимыми темпами. Проблема, как показывают авторы, заключается в том, что в большинстве демократий наблюдается асимметрия: темпы роста «политического портфолио» существенно опережают темпы роста ресурсов (финансовых, кадровых, технологических), выделяемых на его администрирование.

В качестве решения авторы предлагают не просто увеличение бюджетов государственных органов (что в условиях фискальных ограни-

чений часто нереалистично), а более умные, целевые инвестиции: в цифровизацию рутинных административных процедур, высвобождающую человеческие ресурсы для решения более сложных задач; в повышение квалификации государственных служащих, особенно на уровне низовой бюрократии; в развитие аналитических подразделений, способных проводить оценку регулирующего воздействия и мониторинг эффективности действующих политик.

Третье направление — повышение гражданской грамотности (civic literacy). Это, пожалуй, наиболее долгосрочное и труднореализуемое, но при этом фундаментально важное направление, предлагаемое немецкими экспертами. Они исходят из того, что проблема эрозии содержательной политической дискуссии, подробно проанализированная в четвертой главе, не может быть решена исключительно институциональными реформами «сверху». Необходимо также повышать способность граждан ориентироваться в сложном мире публичной политики, понимать базовые принципы функционирования государства, отличать содержательные аргументы от популистских манипуляций. Только при наличии определенного уровня гражданской грамотности может заработать механизм демократической подотчетности: избиратели должны быть способны хотя бы в минимальной степени оценивать, насколько действия правительства соответствуют заявленным целям и насколько эффективно расходуются общественные ресурсы. Авторы признают, что это направление выходит далеко за рамки собственно политической науки и требует междисциплинарных усилий — в сфере образования, медиа, гражданского просвещения.

Проблема накопления политик относится к категории «коварных проблем» (wicked problems), для которых не существует простых, одноразовых решений. Каждое из предложенных направлений реформ сталкивается с серьезными политическими и институциональными препятствиями: вертикальная координация требует перераспределения власти между уровнями управления, что неизбежно вызывает сопротивление; инвестиции в государственный сектор конкурируют за ограниченные бюджетные ресурсы с другими приоритетами; повышение гражданской грамотности — это задача, результаты которой становятся заметны лишь через поколения. Однако авторы настаивают, что осознание проблемы — это первый и необходимый шаг к ее решению. Сама концептуализация феномена накопления курсов и «ловушки отзывчивости», по их замыслу, должна способствовать формированию более реалистичного взгляда на возможности и ограничения демократического управления, а также стимулировать поиск институциональных инноваций, способных сделать политическое накопление более устойчивым и менее разрушительным для демократической легитимности.

В целом монография Адама, Хурки, Книлла и Штайнбаха вносит важный вклад в развитие политической науки и госуправления (как дисциплины), предлагая новый концептуальный аппарат для описания и анализа одного из ключевых парадоксов современного управления.

Книга имеет большую практическую ценность для государственных служащих, политиков и всех, кто вовлечен в процесс выработки и реализации публичной политики. Она служит серьезным предупреждением против «законодательной гиперактивности» и популистского нормотворчества, когда каждый новый закон или постановление рассматривается как отдельный акт, без учета его взаимодействия с уже существующим массивом регулирования. Анализ трех угроз показывает, что неспособность периодически проводить ревизию и упрощение «политического портфеля» ведет не просто к бюрократическим неудобствам, а к системной деградации демократической подотчетности, управляемости и в конечном счете легитимности.

Для российской политической науки книга представляет значительную ценность в нескольких измерениях: концептуальном, методологическом и компаративистском. В концептуальном плане монография предлагает язык для описания феноменов, которые в российском академическом и экспертном дискурсе часто описываются метафорически («бюрократический хаос», «регуляторный лес») или нормативно («избыточное регулирование»). Введение аналитического концепта «политический элемент» (policy element) и методики его количественной оценки открывает возможности для эмпирического изучения динамики российского нормативного поля, что до сих пор делалось преимущественно в рамках юридического, а не политологического анализа. Это особенно важно в контексте растущего запроса на политику, основанную на фактах в российском государственном управлении.

Методологический инструментарий книги может быть адаптирован для анализа российских реалий. Подход, основанный на подсчете «политических элементов» (целей и инструментов), позволяет перейти от абстрактных рассуждений о «разрастании государства» к конкретным, измеримым показателям. В России это могло бы найти применение при анализе эффективности национальных проектов и государственных программ, где проблема накопления нескоординированных и дублирующих друг друга мероприятий стоит особенно остро. Мониторинг количества и качества «политических элементов» в таких сферах, как социальная защита, экологическое регулирование или поддержка предпринимательства, мог бы стать основой для более осмысленной политики дерегулирования и повышения эффективности государственных расходов.

Вместе с тем к данной монографии есть ряд критических замечаний. Хотя операционализация через «политический элемент» является сильной стороной работы, она же несет в себе и определенную уязвимость. Подсчет элементов уравнивает техническую поправку к форме статистической отчетности и введение принципиально нового налога или фундаментального права. Хотя авторы оговаривают этот момент, эмпирический анализ все же исходит из логики: «чем больше элементов, тем хуже». В реальности возможны ситуации, когда небольшое количество хорошо продуманных и мощных инструментов создает большую административную нагрузку, чем сотня декларативных целей. Возможно, для будущих исследований было бы продуктивно дополнить количественный анализ «элементов» экспертной оценкой их «регуляторной тяжести».

Концепция «ловушки отзывчивости» подразумевает почти автоматический, эндогенный процесс. Однако авторы недостаточно внимания уделяют роли экзогенных шоков — финансовых кризисов, пандемий, войн. Как показывает опыт COVID-19, в условиях острого кризиса государства способны на радикальное упрощение процедур и приостановку действия сотен нормативных актов в течение нескольких дней. Это свидетельствует о том, что «политическое портфолио» содержит не только жесткие, но и латентные, «спящие» элементы, которые не оказывают постоянного давления на систему. Исследование динамики накопления в условиях кризисного управления могло бы стать логичным продолжением этой работы (частично авторы сделали это позже в отдельных статьях (Knill 2022), но в монографии данный аспект не раскрыт).

Хотя книга содержит впечатляющий сравнительный массив данных, объяснительная модель вариации темпов накопления между странами остается несколько недоработанной. Авторы фиксируют, что страны с англосаксонской правовой традицией накапливают меньше элементов, чем страны континентального права, но детерминанты этого различия (роль судов, стиль законотворчества, корпоративизм) остаются на уровне гипотез. Это открывает широкое поле для дальнейших исследований в духе «разновидностей капитализма» (varieties of capitalism) или сравнительного правоведения.

Финансирование / Funding

Публикуется при поддержке гранта РНФ № 25-28-03146

This work was funded by Russian Science Foundation, grant No25-28-03146

Список источников / References

Adam C., Hurka S., Knill C., Steinebach Y. (2019) *Policy accumulation and the democratic responsiveness trap*. Cambridge University Press.

Baumgartner F. R., Jones B. D., Mortensen P. B. (2018) Punctuated equilibrium theory: Explaining stability and change in public policymaking. In C. M. Weible & P. A. Sabatier (Eds.), *Theories of the policy process* (4th ed., pp. 55–101). Routledge.

Dahlgren P. (2018) Media, knowledge and trust: The deepening epistemic crisis of democracy. *Javnost — The Public*, 25(1-2), pp. 20–27. https://doi.org/10.1080/13183222.2018.1418819

Knill C., Steinebach Y. (2022) What has happened and what has not happened due to the coronavirus disease pandemic: A systemic perspective on policy change. *Policy and Society*, 41(1), pp. 25–39. https://doi.org/10.1093/polsoc/puab008

Mettler S. (2016) The policyscape and the challenges of contemporary politics to policy maintenance. *Perspectives on Politics*, 14(2), pp. 369–390. https://doi.org/10.1017/S1537592716000074

Pierson P. (1994) *Dismantling the welfare state? Reagan, Thatcher, and the politics of retrenchment*. Cambridge University Press.

Sewerin S. (2020) Understanding complex policy mixes: Conceptual and empirical challenges. In G. Capano & M. Howlett (Eds.), *A modern guide to public policy* (pp. 191–202). Edward Elgar Publishing.

Thelen K. (2009) Institutional change in advanced political economies. *British Journal of Industrial Relations*, 47(3), pp. 471–498. https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2009.00746.x

Zahariadis N. (2007) The multiple streams framework: Structure, limitations, prospects. In P. A. Sabatier (Ed.), *Theories of the policy process* (2nd ed., pp. 65–92). Routledge.

Об авторе / About the author

Кочедыков Иван Евгеньевич — политолог, сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН. Научные интересы: исследования миграции, диаспоры, государственное строительство.

https://orcid.org/0000-0001-5324-5923. E-mail: kochedykov.ivan@gmail.com

Ivan E. Kochedykov — political scientist, researcher at the Centre for Interdisciplinary Studies, INION RAS. Research interests: migration studies, diaspora, state building.

https://orcid.org/0000-0001-5324-5923. E-mail: kochedykov.ivan@gmail.com